

ции, которых он скорее всего и не осознавал. Он не «переводил» в точном смысле слова, он создавал свои стихи на тему Шенье, и в них возрождался опыт, уже накопленный русской поэзией. И центральный образ, и центральная поэтическая формула сложились в них самостоятельно, — стихи Шенье лишь пробудили и организовали поэтическую мысль. Так нередко происходило с переводами пушкинского времени, и маленькая идиллия Баратынского — не исключение, а очень характерный случай «оригинального перевода».

Впервые: Русская речь. 1988. № 4.

¹ Стихотворения Василия Романовича. СПб., 1832. С. 78.

² См.: Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. III, 287.

Почти неизвестный Тютчев

1

18 марта 1822 года в Москве собралось на свое очередное заседание Общество любителей российской словесности при Московском университете. В числе других произведений на нем было прочитано стихотворение «Уединение» (перевод медитации А. Ламартина «Одиночество»), принадлежащее отсутствовавшему в Москве совсем молодому сотруднику Общества Федору Тютчеву. Автор его, уже отличившийся «своими упражнениями в сочинении», полугодом ранее был утвержден в кандидатском достоинстве и вот уже полтора месяца находился в Петербурге, где служил в Государственной коллегии иностранных дел¹.

Стихи были замечены, и в майской книжке «Отечественных записок» адъюнкт по кафедре латинского языка И. М. Снегирев похвалил «очень хорошие стихи» «г. Тютчева, юного, многообещающего поэта». Это был первый отзыв о Тютчеве в печати.

Тем временем сам многообещающий поэт жил в Петербурге у троюродного брата своей матери графа А. И. Остермана-Толстого, и, по-видимому, завязал ка-

кие-то знакомства в петербургских литературных кругах. Во всяком случае, А. О. Корнилович, прозаик и историк, будущий декабрист, знавший его еще по Москве, представил его стихотворение в петербургское Вольное общество любителей российской словесности, где с января 1822 года состоял действительным членом. В заседании 20 марта — через два дня после московских чтений — члены этого общества двенадцатью голосами против одного одобрили сочинение «г. Тютчева». В числе слушателей были Ф. Н. Глинка, П. А. Плетнев, Н. А. и А. А. Бестужевы, А. А. Дельвиг, К. Ф. Рылеев и другие. Автор не присутствовал, и рукопись его осталась у Корниловича².

Одобренное почти одновременно в Петербурге и Москве, стихотворение появилось в Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете, в книжке четвертой части второй за 1822 год. Называлось оно «Одиночество», — так же, как значилось и в протоколах петербургского общества; итак, перед публикацией автор сумел заменить первоначальное заглавие.

2

Мы рассказали почти все, что известно сейчас об одном из первых выступлений в печати будущего великого поэта.

Но не только неведомые до поры до времени документы архивохранилищ, но и страницы более доступных читателю старых изданий могут открыть вещи, совершенно неожиданные.

Во всех собраниях стихотворений Тютчева указывается, что «Одиночество» появилось впервые в «Трудах» московского общества любителей российской словесности. Но если стихотворение было прочитано тогда же и в другом обществе — петербургском и одобрено им к печати, то его естественно искать на страницах «Трудов» этого общества — в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения».

Перелистав журнал за 1822 год, мы найдем его. Эта публикация «Одиночества» непостижимым образом прошла мимо внимания исследователей Тютчева. Она находится на страницах 346—348 третьей книжки восемнадцатой части журнала. Под ней стоит подпись: «Н. Тчв».

Напечатанный в «Соревнователе» текст значительно отличается от московского. Это другая редакция, — и, несомненно, более поздняя. По-видимому, члены московского общества, получив от Тютчева стихи в лучшем случае в январе месяце, а может быть и раньше, задержали чтение, — поэт же, находясь в Петербурге, исправлял текст. Из сравнения редакций видно, что именно он изменял. Вот текст московских «Трудов...»:

Здесь пенится река, там дола красота,
И тщето в мрачну даль за ней стремится око:
Там дремлет озеро, разлитое широко,
И мирно светит в нем вечерняя звезда!

Зари последний луч во сумраке блуждает
По темной зелени лугов,
Луна медлительно по небу востекает
На колеснице облаков!..

Все тихо, все мертво, лишь колокол священный
Протяжно раздался в окрестности немой;
Прохожий слушает, и звук его смиренный
С последним шумом дня сливает голос свой!

В «Соревнователе» обнаруживаем нечто совсем иное:

Здесь пенится река, долины красота,
И тщето в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.

Зари последний луч еще приметно бродит
По темной зелени дерев,
Луна медлительно к полнучи восходит
На колеснице облаков.
И с колокольни одинокой

Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, — и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.

Легко заметить, что во второй редакции исправлено несколько неточностей — лексических и грамматических. «Здесь пенится река, там дола красота, И тщето в мрачну даль за ней стремится око», — за красотой? Луч зари бродит, конечно, не по лугам, а по вершинам деревьев. «Востекает по небу» — неверная предложная конструкция. Там, где раздается звук колокола и есть прохожий, прислушивающийся к нему, не может быть «все тихо, все мертво»...

Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли Божества!
Какая ночь сгустилась над землею
И как земля, в виду небес, мертва!..

Этих строк не было в первой редакции.

В Петербурге шла целенаправленная работа над текстом. Редакция, прочитанная, а потом напечатанная в Москве, успела устареть.

Московские издатели не знали о петербургских чтениях и публикации «Соревнователя», а члены петербургского Общества — о том, что делается в Москве. События развивались почти одновременно.

Тютчев же, скорее всего, ничего не знал о судьбе первой редакции стихотворения, которую он оставил в Москве.

Впрочем, кажется, и Корнилович распорядился «Одиночеством» без ведома переводчика. Если бы Тютчева предупредили, что оно будет прочитано в авторитетнейшем литературном обществе Петербурга, вряд ли молодой поэт пропустил бы это заседание. Впрочем, это попутное соображение; главный же довод в пользу такой гипотезы дает обстоятельство, совершенно неожиданное.

Оно заключается в том, что к моменту петербургских и московских чтений «Одиночество» было уже напечатано — и, вероятнее всего, с ведома автора.

3

Если мы перелистаем «Русский инвалид», газету военного ведомства, издававшуюся в Петербурге известным журналистом, поэтом и критиком А. Ф. Воейковым, то в номере 68 за 1822 год на страницах 271—272 найдем стихотворение «Одиночество» (Из Ламартина), с подписью «Н. Тчв».

Номер вышел в свет 17 марта — за день до московских и за три дня до петербургских чтений. Это была первая публикация стихотворения Тютчева.

Текст ее почти совпадал с текстом «Соревнователя». Редкие отличия носили чисто стилистический характер: во второй строке — «в тени древес густой» вместо «дерев»; девятая и десятая строки переименованы местами, что разнообразило ритмический рисунок:

По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит...

В семнадцатой строке — «Прекрасен мир!», — в «Соревнователе»: «прекрасный». Но вот двадцать четвертая строка заменена полностью. И в московской редакции, и в «Соревнователе» она читалась:

Весь мир передо мной, но счастья — нигде!..

В «Русском инвалиде»:

И счастья нет, при всей природы красоте!

В тридцатой строке вновь разночтения. В московской редакции: «И свет, и мрак равно противны мне». В «Соревнователе»: «И мрак и свет...»; в «Инвалиде» — «И мрак и свет противны мне». Нарушается изометричность соседних строк, разбивается монотония, увеличивается энергия.

Несомненно, Тютчев еще раз правил стихотворение.

Тридцать вторая строка опять новая: «И горесть вечная в душевной глубине!»; в двух прежних редакциях — «Вся вечность горести...».

В следующей строке: «Но долго ль страннику томиться в заточенье?». Было: «И долго ль...».

Наконец, в тридцать восьмой строке: «Надежд таинственных спасительный предмет» вместо «Надежд спасительных таинственный предмет»...

Сопоставление текстов почти не оставляет сомнений, что Воейков печатал самую позднюю редакцию — редакцию «Соревнователя», по которой еще раз прошла авторская рука.

Самое любопытное, что она совершенно совпадает с той, которую мы читаем в современных изданиях Тютчева. Именно в этой редакции «Одиночество» было в последний раз напечатано при жизни поэта. Но об этом несколько позже.

Сейчас нам нужно попытаться объяснить, как могла появиться эта публикация.

4

Издатель «Русского инвалида» А. Ф. Воейков был знаком с уже известным нам графом А. И. Остерманом-Толстым, в доме которого поселился молодой поэт.

Остерман-Толстой был личностью весьма замечательной. Один из самых храбрых и хладнокровных героев войны 1812 года, потерявший руку под Кульмом, он после войны ушел в бессрочный отпуск и жил в своем доме

на Английской набережной, широко открывая двери для родных и просто знакомых. Сдержанный и суровый с виду, генерал втайне питал страсти к литературе и литераторам. Сочинения Державина он называл своей библией. Адьютант его, будущий известный писатель И. И. Лажечников вспоминал, что безраздельно пользовался годовым билетом Остермана в театральные кресла, но иногда передавал его Н. И. Гречу. Граф, узнав об этом, выразил неудовольствие, и Лажечников объяснил, что уступает место известному литератору и журналисту. «А! если так, — сказал граф, — можешь и впредь отдавать ему мои кресла»³.

Зимой 1814—1815 года штаб полка, которым командовал Остерман, квартировал в Дерпте (ныне Тарту), где тогда профессорствовал Воейков; офицеры полка, в том числе и Лажечников, бывали у него на лекциях и дома, и один из них, генерал Кнорринг, познакомил Воейкова с Остерманом-Толстым⁴. Став издателем газеты военного ведомства, Воейков был крайне заинтересован в поддержании этих связей и, вероятно, посещал дом; здесь он мог свести знакомство с начинающим поэтом — родственником генерала и заинтересоваться его стихами. В стихах же и в новых сотрудниках он в 1822 году испытывал крайнюю нужду. Привлекая подписчиков, Воейков расширял литературный отдел своей газеты. С осени 1822 года он даже образовал особое литературное приложение к ней «Новости литературы». Писателем было мало, конкурирующих изданий много. Просьбами, уговорами, чуть что не шантажом он заполучал стихи Жуковского. Он ласкал юношу Языкова и в 1823 году печатал его почти монополю. Чутье опытного журналиста подсказывало ему, на кого из молодых нужно делать ставку. В 1822 году он систематически печатает в «Инвалиде» стихи Рылеева. Он не брезгует и перепечатками, и прямыми контрфакциями: этот род литературного пиратства назывался в обиходе «воейковствовать».

Прочитав стихи Тютчева, Воейков, конечно, сразу понял, что они даровиты, профессиональны и к тому же являются переводом весьма популярного стихотворения входящего в моду Ламартина. Если бы он даже и знал, что они предназначены для другого издания, это бы его не остановило. Но скорее всего, он ничего об этом не знал, как не знал и сам Тютчев: «Одиночество» попало в руки Воейкову не позднее середины марта, когда о

дальнейшей судьбе стихотворения ничего никому не было известно.

Несомненно одно: Воейков получил — и, вероятнее всего, от самого Тютчева или с его ведома — самую последнюю редакцию «Одиночества» и напечатал ее без промедлений, пока два Общества, независимо друг от друга, читали, обсуждали и готовили к печати потерявшие свое значение первую и вторую редакции.

Тютчев успел увидеть свои стихи в печати до отъезда из Петербурга в Москву в мае 1822 года. Около месяца он провел в Москве, а затем вместе с Остерманом-Толстым выехал в Мюнхен к месту своей новой дипломатической службы. Это произошло 11 июня 1822 года.

Он не мог, таким образом, принять непосредственного участия в издании альманаха «Новые Аониды на 1823 год», который затеяли его прежние литературные друзья — С. Е. Раич, М. П. Погодин и другие, — и где в четвертый раз было напечатано его «Одиночество».

Этот текст — последняя прижизненная публикация — и печатается в современных изданиях Тютчева.

Сейчас мы можем утверждать, что такое решение неверно.

Абсолютное большинство, — а, может быть, и все стихи в «Новых Аонидах» были перепечатаны из других изданий, и «Одиночество» не было исключением. Издатели взяли текст из «Русского инвалида»; вероятно, Тютчев еще до отъезда успел рассказать им ту историю, о которой мы узнаем только теперь. Но в отсутствие Тютчева они слегка подправили в нем то, что казалось им стилистическими и грамматическими неправильностями (заметим, к слову, что стремление подредактировать своенравного поэта было свойственно его издателям и позднее).

В третьей строке они изменили будущее в значении настоящего: у Тютчева — в «Соревнователе» и «Русском инвалиде» — было:

И разовьются предо мной
Разнообразные вечерние картины!

В «Новых Аонидах» стоит: «И развиваются передо мной...».

«Луна медлительно к полуночи восходит...» — пишет Тютчев. В «Новых Аонидах» — «с полуночи», противу всякого вероятия. Может быть, это даже не редаKTура, а опечатка.

«Встают гроза и вихрь и лист крутят пустынный...» — так звучит строка 45 во всех ранних публикациях. Издатели «Аонид» исправляют: «Встает... крутит...». Все остальное почти буквально совпадает с текстом «Русского инвалида».

Пока мы не знали ни этого последнего, ни публикации «Соревнователя», можно было думать, что сам Тютчев передал в «Новые Аониды» неизвестную доселе редакцию своего перевода. Сейчас такое предположение должно отпасть.

На этом мы могли бы закончить наш текстологический розыск. Но остается одна мелочь, заслуживающая, однако, внимания. Вновь обнаруженные публикации «Одиночества» подписаны «Н. Тчв». Это криптоним, усечение подписи «Н. Тютчев», которая традиционно считается «ошибочной». Но ошибка, повторенная несколько раз, производит впечатление преднамеренной, возможно, идущей от самого Тютчева.

Почему он подписывался псевдонимом, случаем ли выбранный им инициал, словно переадресовавший его ранние стихи нежно любимому брату Николаю, самому близкому ему человеку с самого детства? Или все объясняется проще — особенностями его почерка? Присмотритесь к его подписи: заглавная «фита» в инициале имени в самом деле может быть прочитана как «Н».

Все это нам предстоит еще понять.

Впервые: Русская речь. 1989. № 4.

¹ См. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 36—38.

² Ошоват А. Л. Из материалов для биографии Тютчева // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т. 45. 1986, № 4. С. 350—351.

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. I. С. 167.

⁴ См. Русский архив. 1868. Стлб. 1857.

⁵ Пигарев К. В. Указ. соч. С. 39—40.

Рассказы о Денисе Давыдове

16(27) июля 1784 года у кавалерийского офицера Василия Денисовича Давыдова родился мальчик, которому суждено было вписать свое имя и в русскую историю, и в историю русской поэзии.